

признать самостоятельность населения (кооперация). Так как все косвенные налоги в конце концов ложатся главным образом на его плечи, то идеи «джорджистов» о прямом исключительном налоге на землю могут иметь успех среди крестьян.

Шаг за шагом перед нами вырисовываются возможности возникновения новой политической экономики крестьянства — как в смысле теории, так и в смысле нового переустройства системы народного хозяйства. И мы думаем, что в приложении к текущей действительности она окажется гораздо более продуктивной, чем прочие. Разного рода чисто эмпирические меры, которые вопреки обычным экономическим теориям не раз спасали государства на краю их экономической гибели, находят себе оправдание и объяснение именно в возможной политической экономике крестьянства.

Н. Иванов.

Идеологическая провокация — против большевизанства

«Флирт этой дрянью мы не должны брать всерьез, но мы должны уметь ее серьезно использовать: с врагами лучше всего бороться при помощи врагов».

(Из речи Сталина «О большевизанствующих и примазывающихся», 1924 г.).

С некоторых пор эмиграция по существу, прекратила активную борьбу с большевизмом. Кругом — или обывательская пыль, или люди политически опустившиеся, или, наконец, всякого рода нахально, вызывающе большевизанствующая наволодь.

Основная причина этого состоит в том, что эмиграция — это две России — по нашей терминологии — Первая — правая и Вторая — левая, исрежившие обе исторический кризис — первая в феврале 1917 года, вторая в октябре, а идеологически перевооружиться нег ни у той, ни у другой достаточного стремления. Но тут поистине замечательно, однако, нечто другое, — как раз все те попытки идеол. переоценок, исканий, новых веяний, которые и должны бы были морально — политически возродить эмиграцию, как-то неизменно вместо нового оружия против большевизма обращались в средство его реабилитации. На всех них какой-то дьявольской рукой оказывалась наложенной, в корне их порочающей, печать большевизанства. Таким образом, большевизм, победив прежде внешне-политически, в этом характерном явлении может праздновать свою вторую морально-по-

литическую победу. Мы не думаем, что это исторически и т. с., логически необходимо. Но тем менее мы думаем, что это вообще случайно. Мы думаем, что не исключена возможность, что здесь особая тонкая система своеобразной идеолог. провокации. Т. о. большевиками сразу убивается даже не два, а целых три зайца: во-первых, обезвреживается эта новая восход. сила, которая могла бы явиться силой рус. возрождения, во вторых, она направляется на реабилитацию самого большевизма и в третьих — и в той, и в другой своей тенденции эта сила бьет по остальным эмигрантс. направлениям. Правда, такую же работу реабилитации большевизма, но с другого кощца, проделывают и некоторые из наших упадочнических, старых направлений, когда всякое проявление искания, встревоженности, творческой мысли стараются зачислить в большевизм. В результате выигрывают, конечно, одни большевики, которые из гнусного, холопского, совершенно бесплодного строя вырастают в глазах неискушенной молодежи в нечто положительное, прогрессивное. — Если все это большевизм, рассуждает эта молодежь, тогда большевизм — это не так плохо.

Помимо всего, большевизанство есть в одних случаях скрытое, даже бессознательное возвращенство, в других — это просто психология «бегущих за колесницей победителя», в третьих — оно продукт дряблых, неустойчивых душ, беспринципное примиренчество, соглашательство. Но прежде всего, это, — все же, по видимому, система, система особой идеологической провокации.

В самом деле. Большевизанство не только деморализует антибольшевистские силы, не только нейтрализует их, в известных случаях оно переводит даже их в противный лагерь.

Большинство, массы мыслят упрощенно и прямолинейно; и в отношении большевизма они правы, ибо тут совершенно невозможны какие бы то ни было половинчатые позиции. Но мысля так упрощенно по логике «за» или «против», массы психологически нейтрализуются, когда соотношение врагов утрачивает фронтную определенность.

Большевизанство — не большевизм, но это частичная капитуляция, примиренчество, которого достаточно для нейтрализации масс. Политическая борьба, поставленная с учетом всех требований тактики и массовой психологии, требует измышления недостатков противника там, где их нет и отрицаний его достоинств, если они и имеются. Это элементарная истина практической борьбы. Что же делают большевизаны? Они, наоборот, всячески смазывают «недостатки» большевиков и всячески выпячивают их «достоинства» («достижения»). Будучи прикрытым, внутренним врагом, большевизан более опасен, чем прямой открытый враг — большевик. Поэтому с большевизанством (сознательным) необходимо более решительно и беспощадно бороться, чем с большевизмом, хотя бы уже по той же причине, по

какой на войне со шпионом более жестоко расправляются, чем с обыкновенным неприятельским солдатом. Надо помнить, что большевик враг, а большевикан (сознательный) — предатель и как враждебная единица, второй всегда опаснее первого. Но как можем мы бороться, лишённые государственных средств воздействия?

У нас недостаточно вообще средств прямого политического воздействия, недостаточно, наконец, даже воли к ним прибегать, но у нас есть могучее средство морально-общ. значения, в частности средство общ. бойкота. Если мы не способны иначе бороться, мы должны проявить хоть этот минимум сопротивляемости, чтоб не остаться бессильной обывательской пылью перед лицом извне и изнутри упорно наступающего врага. Но об этой внутренней опасности должны особенно подумать некоторые из нас, «пореволюционных» группировок, являющихся, повидимому, ближайшим объектом и жертвой большевиканской идеологической провокации. Тем более, что по своей природе мы полюсы, антиподы. Большевикан есть лишь **антитезис старой России**, мы же должны ставить ставку на новую Третью Россию. Мы не пристройка при большевистском здании, мы несем стиль, начало нового мира, тогда как большевикан — лишь конец, смерть старого, а вместе с этой смертью он несет вообще смерть культуры и цивилизации. Наше с ним подобие — лишь подобие антиподов, подобие аналогичных величин с противоположными знаками — положительным и отрицательным.

Большевики представляют особую военнизированную идеологию; и с ними надо или бороться не на жизнь, а на смерть, или сдаться. Искренне соблазняющаяся примиренчеством с большевиканом молодежь должна вспомнить, что даже оппозиционеров, членов той же ком. партии, массами ссылают и запрятывают в тюрьмы — на что же может надеяться она, вышедшая с т. з. большевиков из другого мира!? Надпись «оставь все надежды» на вратах Дантова ада, следовало бы поместить на вратах большевистской всероссийской тюрьмы и каторги. Входящий в них должен действительно оставить все надежды. Кроме того, попав в эту всероссийскую тюрьму и каторгу, он должен будет встретиться с ненавистью и презрением русского народа, который очень хорошо знает, что большевики даром не прощают своих вчерашних врагов и знает, что они за это берут.

Итак, или бороться до конца, или целиком сдаться. Но для такой борьбы с большевиками надо создать аналогичную им военнизированную идеологию — диаметрально противоположную. Большевики не партия, они — военный лагерь. И для борьбы с ними нужно перейти на положение лагеря. А при таком положении всякий, кто на половину их друг, есть наш враг целиком. За практическое руководство борьбы мы должны принять девиз: кто не против них, тот с ними, и против них последовательно, до конца. Борьба с боль-

шевиками не есть обычная политическая борьба, борьба с большевиками это война. «А на войне, как говорил по аналогичному случаю Левин, так по военному». — Или по эту, или по ту сторону баррикады.

П. Смирнов.

Цель — Освободительница

«Не деньги, а дар повиновения, беспредельная готовность к самопожертвованию **во имя единой цели** — вот что дает победы народам в трагические минуты их истории».

Наша трагедия разворачивается давно — с японской кампании 1904 года. Ложь, обман, нерешительность, неудачи, позор Цусимы, Артура, Ляояна уже тогда подорвали дар повиновения, дар служения.

Презрение ко всему национальному правившего сословия, отторженность от масс, сословный эгоизм уже тогда подорвали то национальное единство, которое дает народам победные исторические достижения во всех отраслях жизни.

Июль-август 1914 года на секунды восстановили национальное единство перед лицом могучего германского противника. Историческая цель была дана правильно и в конечном итоге рухнули Австрия, Германия и Турция ушла в Ангору. Но после кратких побед на историческом направлении юго-зап. фронта наступили годы тяжелых испытаний с расточительным расходом лучших народных сил.

Царь-узник не отрекся от единой цели—победы. Ей осталось верно также Временное Правительство, но дар повиновения — служения был утерян массами, бесповоротно пошедшими за преступно партийными лозунгами эгоизма: «мир, земля, грабь».

Тогда нужно было найти и указать **новую Цель** служения, вдохнуть новую волю к единству, к дисциплине, к национальному служению. Подлог такой цели указали большевики, которые благодаря ей и овладели массами.

Но рожденные войной, путем войны идущие, они и погибнут от войны. Вышедшие из ненависти, ненавистью существующие, они в ненависти и потонут, когда ею наполнят доверху страну. О таких сказано: секут ветер — пожнут бурю.

В этих то условиях, отрицательным путем и создаются чувства единства нации. Пока это единство в той мере ненависти, которую власть призвала и в ненависти теперь к самой власти; единство в нужде и горе, в страхе и жажде освобождения от неслыханных форм рабства и террора.